

М.М. БАХТИН – АВТОР КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО РОМАНА

В статье рассмотрен ряд особенностей философской концепции одного из видных русских мыслителей XX века М.М. Бахтина, показаны глубинные основания его философствования, проблемы эстетические и религиозно-нравственные. Акцентировано внимание на его исследованиях языка и на создании новой теории европейского романа, концепции полифонизма литературного произведения, поскольку результаты его исследований творчества Ф.М. Достоевского и Франсуа Рабле и сегодня вызывают интерес литературоведов, языковедов, культурологов, социологов, психологов и философов.

В статье отображена роль Бахтина как автора ряда фундаментальных лингвофилософских трудов, в которых рассматриваются общетеоретические вопросы развития европейского романа, философия языка, стилистика, теория речевых жанров и т.д. Ему принадлежат такие литературоведческие понятия, как полифонизм, смеховая культура, хронотоп, карнавализация, мениппея (эвфемизм по отношению к главной и ведущей линии в развитии европейского романа в «большом времени»).

Ключевые слова: эпический жанр, полифонизм, смеховая культура мениппея, карнавализация.

Исследователь языка, исследователь эпического начала во многих формах повествования и жанрах европейского классического романа, Михаил Михайлович Бахтин явился и создателем новой теории европейского романа, в частности концепции полифонизма (многоголосия) в литературном произведении. Его вклад в исследование творчества таких различных по духу и по времени мыслителей как Ф.М. Достоевский и Франсуа Рабле до сих пор вызывает интерес филологов, культурологов, социологов, психологов и философов.

Наряду с исследованием концептуально-содержательных аспектов конкретных текстов Бахтин показал себя и как автор ряда фундаментальных лингвофилософских трудов, в которых рассматриваются общетеоретические вопросы развития европейского романа, философия языка, стилистика, теория речевых жанров и т.д.

С самого начала своей научно-теоретической деятельности Михаил Бахтин руководствовался принципом ответственности в искусстве [3, с.8], что, несомненно, подразумевало ответственность художника перед жизнью. Чаще всего художник и человек соединены в одной личности механически. И когда человек в творческом напряжении на время уходит из «житейского волнения» в мир другой, в мир вдохновения, он не считает себя обязанным отвечать за жизнь: «Да и где нам, – говорит жизнь, – то – искусство, а у нас житейская проза» [3, с.7].

Можно предположить, что находясь в Петербурге (Петрограде) он мог познакомиться с философско-окультурным учением Георгия Ивановича Гурджиева, с идеей так называемого «четвертого пути». Потому что уже в цитируемой первой (1919) небольшой статье Бахтина мы можем увидеть отголоски учения Гурджиева о сущности и личности. Уже тогда для молодого Бахтина важно, чтобы три области человеческой культуры: наука, искусство и жизнь, обрели единство в личности. В то же время внутреннюю связь элементов, по его мнению, гарантирует «только единство ответственности». Он подчеркивает: «И нечего для оправдания безответственности ссылаться на «вдохновенье». Вдохновенье, которое игнорирует жизнь и само игнорируется жизнью, не вдохновение, а одержание. Правильный, не самозванный смысл всех старых вопросов о взаимоотношении искусства и жизни, чистом искусстве и проч., истинный пафос их только в том, что и искусство и жизнь взаимно хотят облегчить свою задачу, снять свою ответственность, ибо легче творить, не отвечая за жизнь, и легче жить, не считаясь с искусством.

Искусство и жизнь не одно, но должны стать во мне единым, в единстве моей ответственности» [3, с.8]. Таким образом, слова молодого человека, желавшего послужить искусству, свидетельствуют о его гражданской позиции и гражданской ответственности. О том,

что таковыми он обладал, мы знаем. О том, что за свою позицию ему пришлось отвечать арестом, заключением и ссылкой, знаем также.

Используя употребляемый и самим Бахтиным семиотический термин, можно сказать, что на сегодняшний день фигура его знакова как в отечественной, так и в мировой гуманитарной науке. О творческом наследии М.М. Бахтина нынче написано много как у нас, так и за рубежом^[2]. Ссылки на работы и идеи Бахтина стали в определенных научных кругах общепринятыми, и сегодня он признанный классик цитирования. Впрочем, если раньше это можно было расценивать как достоинство, то сейчас бездумное и произвольное цитирование, использование бахтинских терминов «полифония», «карнавал», «диалог», «хронотоп» и др. ради большей научной обоснованности своих работ – просто плохо скрываемый недостаток. Преодоление такой тенденции подходить к творчеству Бахтина – важная задача ученых, работающих в области философии, литературоведения и языкознания.

Имя М.М. Бахтина лидирует в списке тех русскоязычных авторов, кому за рубежом посвящается наибольшее число научных работ. В этих работах освещается достаточно полно и систематически как биография и творческий путь мыслителя, так и основные идеи его работ^[3]. С М.М. Бахтиным по своей популярности на Западе может соперничать только Н.А. Бердяев. Если Николай Бердяев популярен потому, что воспринимается исключительно как явление национально-русское, то популярность и известность Михаила Бахтина объясняют тем, что ключевые понятия и сюжеты его работ интерпретируются как созвучные с философскими направлениями западного происхождения. Таковыми считают фрейдизм, марксизм, экзистенциализм, философскую антропологию, Марбургскую школу неокантианцев. Философия Бердяева привлекательна как «чужая», а философия Бахтина – поскольку она «своя». Здесь срабатывает принцип «от обратного». Один из известных бахтиноведов В.Л. Махлин замечает, что «...никому почти неизвестный тридцать лет назад кандидат филологических наук из Саранского пединститута (ныне университета) сегодня осознается на Западе как крупнейший философ XX в. и больше того – в качестве ключевой фигуры русской духовно-идеологической культуры вообще» [14, с.95].

Философские предпосылки учения Михаила Бахтина достаточно часто выводили из проблематики, связанной с терминологией «философии жизни» XIX века, из диалогической традиции. Общеизвестно, что подавляющее большинство исследователей и последователей учения Бахтина подчеркивали его глубоко философский характер, в последнее время всё более распространенным становится тезис о глубинной риторической подоплеке его философствования. Заметим, что и всё излагаемое в этой статье представляется нам дальнейшей аргументацией этой точки зрения. Уточняем ее в том плане, что риторические (языковые) темы и сюжеты (имя, жанр, стиль, смысл) имели в интерпретации у Бахтина метариторический характер, то есть философский. Естественно, что филологические проблемы, перерастая свои границы, превращаются в философские. Риторическое происхождение многих тем, сюжетов и проблем связано у Бахтина с античностью и предстаёт в новом явно философском ракурсе. Одна из сложностей, возникающих у исследователей творческого наследия Бахтина, напрямую следует из самого подхода Бахтина к предмету гуманитарных наук. Для этого подхода характерно отсутствие междисциплинарных перегородок и отсюда неудобно «растаскивать» его по методологическим нишам и ячейкам разных наук. И на самом деле однозначно рубрицировать творчество Бахтина не просто. Его мысль, будучи по сути строгой и научной, двигается свободно и легко переходит из философии в филологию, а из лингвистики в эстетику или этику. Да и сам Михаил Бахтин хорошо осознавал это. Так, в статье «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа» он признавал: «Приходится называть наш анализ философским прежде всего по соображениям негативного характера: это не лингвистический, не филологический, не литературоведческий анализ (исследования). Положительные же соображения таковы: наше исследование двигается в пограничных сферах, то есть на границах всех указанных дисциплин, на стыках и пересечениях» [15, с.11]. М.М. Бахтин по своим интересам, по своим взглядам больше философ, нежели филолог. Можно с уверенностью утверждать, что спор о принадлежности трудов Бахтина области филологии или философии на сегодняшний день изжил себя. Вспомним, как когда-то В.С. Соловьев причислил Фридриха Ницше к философам, потому что тот был не просто филологом, а сверхфилологом. Этот принцип вполне распространяем и на научную деятельность Бахтина: он – философ, потому что он был сверхфилологом. Дело не в том, что Бахтин своими работами «создал некую особую область знания, не включающуюся полностью в традицию ни одной из ныне существующих гуманитарных наук» [16, с.69], а в том, что он

предложил «принципиально иной научный метод, отнюдь не противопоставленный уже выработанным современными гуманитарными науками методам, но дополняющий их» [16, с.69]. Сам Михаил Бахтин определенно высказался на этот счет. В заметках «К методологии гуманитарных наук» он писал: «философия начинается там, где кончается точная научность и начинается инаучность, ее можно определить как метафизику всех наук (и всех видов познания)» [15, с. 11]. Думаем, что сейчас уже излишне спрашивать, кем был Бахтин по роду своей деятельности и характеру научных интересов: то ли литературоведом, то ли филологом или философом. Скорее следует согласиться с С.С. Аверинцевым, для которого Бахтин – это «мыслитель, а мыслитель существует не для того, чтобы за ним повторять, а для того, чтобы его слушать и услышать...» [1, с. 12]. Но и по сей день, проблема профессиональной идентификации Бахтина вызывает вопросы у иных отечественных и зарубежных исследователей. Для этого есть ряд исторических, биографических и даже личных причин.

С позиции нашего времени трудно понять и правильно оценить поступки Бахтина, как это пытается сделать Ч. Шустер: «Как можно говорить про одну из главных книг Бахтина о немецком романе XVIII в., если Бахтин во время Второй Мировой войны извел единственный экземпляр на самокрутки? Как нам оценить человека, который сам так недооценивал себя, что хранил в Саранске неопубликованные рукописи в дровяном сарае, полном крысами? Что можно сказать о писателе, само авторство которого находится под вопросом, по крайней мере, две из его больших работ («Фрейдизм» и «Марксизм и философия языка») были опубликованы под псевдонимом В.Н. Волошинова?» [19, с.41]. Действительно, есть проблема авторства книг, вышедших во второй половине 1920-х годов под именами бахтинских коллег И.И. Канаева, В.Н. Волошинова, П.Н. Медведева.

Правда, и сами бахтиноведы, поднимая вопрос о принадлежности рассматриваемых текстов, порой дают повод для изощренной и саркастической критики, как это произошло с изданной в конце 1990-х годов «Тетралогией»^[41]. И такая критика не заставила себя долго ждать. Сергей Земляной пишет: «Разбираемый сборник представляет собой операцию сразу на нескольких духовных плацдармах. Во-первых, это откровенная, хотя и немного неловкая, попытка составителя и его команды очистить наследие Бахтина от марксистских «грехов» 20-х годов. Ценой подобной зачистки является прежде всего поражение Волошинова и Медведева в авторских правах и переложение на их снесенные с плеч в 30-е годы головы ответственности за всё «дурное», марксистское в атрибутированных единолично Бахтину трудах «Фрейдизм», «Формальный метод в литературоведении» и «Марксизм и философия языка». А всё «хорошее», стало быть, немарксистское ставится в заслугу единственно самому мэтру. В эту цену входит также навязываемое читателю инфернально-показушное то ли по-сомовски, то ли по-познеровски – представление о Бахтине как человеке «под маской» (или «полумаской»), который играет Шуберта в волошиновско-медведевские мозговые рупора» [18].

Но вернемся к вопросу о преобладающем влиянии на творчество Бахтина филологической и философской его составляющей. Здесь уместно вспомнить коллегу Бахтина по литературно-философскому цеху А.Ф. Лосева, который в своих беседах с В.В. Библихиным отмечал: «Язык надо знать греческий и латинский для философии, и философией заниматься надо тем, кто занимается филологией. У меня все время классическая филология с философским уклоном. Но чистую филологию и чистую философию я не люблю. Как-то не увлекаюсь этим. Хотя и по чистой философии пописывал» [12, с.521]. Не менее важной представляется и другая причина, по которой Бахтин мог скрывать свое авторство и вообще вел спокойную и непритязательную жизнь рядового советского гражданина – это время, в котором он жил. Свободно, без оглядки, философствовать в условиях идеологического диктата и в тисках репрессивного режима было просто опасно для жизни. Советская философия стала идеологией, обрела функцию идеологического рупора коммунистических идей, и правящий режим с подозрением и пристрастием относился к тем, кто продолжал заниматься философией. Так, многие талантливые люди «ушли» в сферы деятельности, не столь очевидно идеологические, например, занялись переводами. Образ мученика явно не привлекал и физически слабого Бахтина, а посему, потерпев от властей, он предпочел иной путь: незаметного, но кропотливого труда. В этом смысле и Борис Пастернак и Михаил Бахтин прошли через кантианскую выучку. Бахтин согласился бы с Пастернаком, что цель творчества – самоотдача. Главное – это делать свое дело, а признание придет потом. В диалог надо вступать с «большим временем», а не с временем, в котором ты живешь. Поэтому Бахтин всю жизнь оставался верен своему принципу: «Для слова (а, следовательно, для человека) – нет ничего страшнее **безответности**» [7, с.490].

Сущность и место философии представляются важными для Бахтина. В своих набросках «К методологии гуманитарных наук» он отмечает: «Место философии. Она начинается там, где кончается точная научность и начинается инаучность. Ее можно определить как метаязык всех наук (и всех видов познания и сознания)» [12, с.521]. Здесь же рассматриваются содержательные в философском смысле понятия «анализ», «познание», «понимание». Причем эти понятия Бахтин рассматривает в тесной связи, в единстве, поскольку они «замыкаются» в «один данный *текст*» [12, с.521]. Глубинную философскую подоплеку в этом тезисе невозможно обойти вниманием, поскольку Михаилом Бахтиным вводится триада анализ–познание–понимание. Познание есть процесс, направленный на обретение знания, которое в свою очередь есть некий первичный результат. Но полученное знание в подавляющем большинстве случаев не может удовлетворить ищущего истины. Необходимо вернуться в начало, но вернуться уже с другим уровнем искания, на основе понятого, т.е. внутренне принятого исследователем. «Всякое понимание есть соотнесение данного текста с другими текстами. Комментирование. Диалогичность этого соотнесения... Понимание как соотнесение с другими текстами и переосмысление в новом контексте (в моем, в современном, в будущем). Предвосхищаемый контекст будущего: ощущение, что я делаю новый шаг (сдвинулся с места). Этапы диалогического движения *понимания*: исходная точка – данный текст, движение назад – прошлые контексты, движение вперед – предвосхищение (и начало) будущего контекста» [12, с.521]. Таким образом, исследование начинается с анализа и в целом заканчивается подготовкой к новому анализу, а сформулированная выше триада получает дальнейшее развитие: анализ–познание–понимание–анализ. Отсюда, кстати, возможно выводить и герменевтический подход, столь явственно присутствующий в философии языка Бахтина. Он убежден, что сделать чужой смысл своим можно только после того, как поймешь его.

Тесное взаимодействие философского и языкового аспектов в творчестве Михаила Бахтина позволяло ему ставить и решать ряд вопросов имеющих существенное мировоззренческое значение, поскольку современные ему лингвистика и философия явно не отвечали его представлениям о их содержании и функциях. Его деятельность нельзя замкнуть узкими рамками той или иной дисциплины, Бахтин открыт содержательной интерпретации, его философия языка тесно связана с литературоведением, а литература становится точкой зрения его философии. М.К. Рыклин, один из известных исследователей творчества Бахтина, отмечает: «Можно выразиться парадоксально: чтобы быть философом, ему нужно быть литературоведом и языковедом, но чтобы быть историком этого вида литературы, ему нельзя было обойтись без философствования, если под последним понимать постоянную экспликацию своих посылок. К числу присущих ему интуиций относится осознание того, что истоки литературности следует искать в литературе как жанре: следовательно, так как рефлексивная философия (или метафизика) является лишь частным случаем, причем не истинным случаем философствования, литература и подкрепляющие ее речевые практики могут быть и фактически являются философией определенного типа культуры» [17, с. 87].

«Слово» и «высказывание» Бахтин рассматривал как ценностную или смысловую позицию. Существенно, что не язык или «речь», – главные категории философского анализа для XIX и начала XX века, – выступают для него первичной данностью гуманитарного (языкового) мышления, а текст (это понятие позднее активно введет в научный оборот структурализм). Это было закономерным следствием позиции Бахтина, который принципиально разводил по разные стороны методологию гуманитарных и естественных дисциплин. Для него естественнонаучные дисциплины имеют дело с «вещью», а гуманитарные науки – с «личностью». Главное отличие «вещи» от «личности» состоит в том, что «вещь» – безголосна, а личность – это речь, это язык как способ языковой манифестации взглядов, принципов, идей.

Отсюда у Михаила Бахтина и исследование культуры сквозь призму проблемы слова, и анализ жизни человека как «потенциального текста», и предложение рассмотреть человека и оценивать его как личность в контексте «большого» времени культуры и т.п. Бахтин вплотную подходит к большим философским прозрениям, среди которых различение «большого» и «малого» времени культур: человек живет в малом времени, но общается с большим. Тезис Бахтина о том, что «нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения», принципиально расходится с эсхатологической антитезой «времени – вечности» у Бердяева. У Бердяева человек одинок, потому что он заложник вечности, а у Бахтина человек свободен, ибо он способен на диалог со временем. Прозрения Бахтина оказались созвучными времени, эпохе, общему интеллектуальному климату 1920-30-х годов, принципам и идеям

формализма и формалистам, их всеобщему поиску первичных и неразложимых структур. Бахтин нашел и описал первую и главную составляющую всякой речи – слово. Его интерес к слову – это свидетельство прежде всего философской ориентированности интересов Бахтина, который подошел к рассмотрению слова категориально, в значительной степени обобщенно: слово есть и высказывание, и реплика, и речь, и текст. И даже молчание может стать словом, если оно что-то значит. Отсюда и базовая характеристика слова не информация, а заключенный в нем смысл, его значимость как для меня, так для других. Таким образом, Михаил Бахтин продолжил классическую традицию в философии языка, идущую от В. Гумбольдта, усматривая в языке основу миропонимания.

Особенности и содержание своего собственного концепта в философии, вне всякого сомнения, присутствуют в творчестве Михаила Бахтина, хотя до сего времени этот важный момент не нашел своего даже неоднозначного определения в работах исследователей его трудов. В то же время многие исследователи замечают характерную особенность его текстов – насыщенность их множеством чужих интуиций, мыслительных ходов, категорий. Наиболее заметно это в трактатах 1920-х годов, когда собственно и происходило становление философской идеи Бахтина. Впрочем, и во многих других, более поздних его текстах мы обнаруживаем ориентацию на чужую мысль.

В известном смысле воззрения Бахтина представляют собой как бы мост в европейскую философию второй половины девятнадцатого – первой половины двадцатого века. Несомненно, исследователям надо обращаться именно к этой эпохе, говоря о философской почве творчества Бахтина. Как раз на этом философском фоне следует осмысливать и концептуальные начала философии Бахтина. Чтение его ранних работ целесообразно проводить, останавливая внимание на «чужих» вкраплениях в собственно дискурс Бахтина, точно восстанавливая затем для себя источники этих вкраплений из соответствующих западных учений. Как раз через эти заимствования можно увидеть посредническую роль Бахтина между философией Запада и современной гуманитарной наукой России. Обоснованием сказанного нами в значительной мере могут выводы бахтиноведов. Н. Перлина утверждает, что поздние работы Бахтина звучат, как точные цитаты из Мартина Бубера. В.С. Библер уверен, что Бахтин – это «почти» Герман Коген^[5]. К.Г. Исупов заметил, что тексты раннего Бахтина и исследование Густава Мейера 1920-30-х годов часто «цитируют» друг друга. По мнению Т.В. Щитцовой, трактат Михаила Бахтина «К философии поступка» представляет собой творческое восприятие философии Сёрена Кьеркегора. Также и Н.К. Бонецкая показала [9], что среди философов, составляющих фон концепции Бахтина, мы определенно обнаруживаем Фридриха Ницше (1844-1900), Анри Бергсона (1859-1941), Теодора Липпса (1851-1914), Адольфа Гильдебранда (1847-1921) и др. Очевидно, что к своим выводам указанные исследователи пришли не в силу личных предпочтений и вкусов, но в основе их лежит некое свойство, действительно присущее философствованию М.М. Бахтина.

Достаточно оснований для таких допущений даёт и сам Михаил Бахтин, когда утверждает: «Несколько иначе обстоит дело в общей философской эстетике, здесь проблема отношения автора и героя поставлена принципиально, хотя и не в чистой ее форме. (К рассмотрению приведенных нами классификаций видов героя, а также к оценке биографического и социологического метода нам еще придется вернуться в дальнейшем). Мы имеем в виду идею вчувствования (Einfühlung) как формально-содержательный принцип эстетического отношения автора-созерцателя к предмету вообще и к герою (наиболее глубокое обоснование дал Липпс) и идею эстетической любви (социальной симпатии Гюйо и – в совершенно иной плоскости – эстетической любви у Когена). Но эти два [нрзб.] понимания носят слишком общий, недифференцированный характер как по отношению к отдельным искусствам, так и по отношению к специальному предмету эстетического видения – герою (у Когена более дифференцированно)» [2, с. 15].

Создатель отечественного варианта диалогической философии, Бахтин, вне всякого сомнения, исходил из личного глубинного опыта диалога, а посему экзистенциальный диалог, по-видимому, занимал значительное место во внутренней жизни мыслителя. Поэтому скорее философствование Михаила Бахтина, само являющееся экзистенциальным опытом, бытием как таковым, оказывается диалогом с традицией. «Понятая так диалогичность – одна из важных черт философского стиля Бахтина. И поскольку, как нам представляется, она обусловлена самим устройством его философского сознания, в данном случае справедливо классическое бюфоновское: стиль – это человек» [8, с.7]. Представляя читателю свои философские идеи, Бахтин необходимо использовал идеи чужие; ведь очевидным фактом является то, что абсолютное большинство его работ начинается с самой принципиальной полемики с этими чужими

воззрениями. Если обратиться к очень важной для понимания основ творческого процесса Бахтина работе 1920-х годов «К философии поступка», в которой он определенно намечает свою философскую программу на всю свою жизнь, то здесь он явно полемизирует с учением о культуре Г. Риккерта, с одной стороны, и с философией жизни, с другой.

Нельзя не принимать во внимание и философское соприкосновение Михаила Бахтина с традициями русской философии. Здесь надо учитывать, в первую очередь, особенные черты русской философии вообще. Возможно, их наиболее адекватно определил А.Ф. Лосев, имея в виду: критику абстрактно-системного мышления, отход от рационализма в пользу интуитивизма, особое влияние художественной литературы и акцент на этическом в духовных исканиях человека, на его отношении к Богу [13, с.78]. На первый план в русской философии выступает проблематика, связанная с пониманием личности, культуры, Бога. Такие темы здесь разрабатываются в терминологии «всеединого субъекта», «триединого, всеединого Божества», «симфонической личности», «соборности» и т.д. При попытке связать творчество Бахтина с русской философской традицией, необходимо дать ответы на ряд вопросов, которые считаются открытыми или отчасти неразработанными, особенно если в качестве масштаба отсчета берется западноевропейская философия. Это в первую очередь относится к пониманию личности, взаимозаменяемости «я» и «другого», а также различных аспектов их взаимодействия. Кстати, сам Михаил Бахтин подчеркивал, что конкретное должностное, обретение своего единственного места в единственном событии-бытии как целостного противопоставления «я» – «другой», не находит выражения в теоретической этике, хотя на деле составляет смысл всей христианской нравственности. Бахтин формулирует задачу адекватного научного выражения и полной принципиальной продуманности этого принципа нравственности [6].

Одним из важных элементов целостного философского подхода к литературотворческому и научному познанию Бахтина составляет его эстетическая концепция. Именно в трактате «Автор и герой в эстетической деятельности» [2] Бахтин обращается к идее «вчувствования».

Построение своей концепции эстетической деятельности Бахтин начинает, как и Карсавин^[6], с определения личности (на фоне критики рационализма, его недостаточности и невозможности адекватного отражения им индивидуальности, единственности и неповторимости личности в полноте ее бытия). Структура такой личности Михаилом Бахтиным определяется через поступок, в котором должна быть выражена «персональная причастность», роль личности в едином и единственном поступке, в котором общее есть конкретность его индивидуальных моментов. Таковыми моментами выступают «я-для-себя», «другой-для-меня», «я-для-другого». По мнению Бахтина все ценности действительной жизни и культуры расположены вокруг этих основных точек действительного мира поступка: научные ценности, эстетические, политические (включая и этические и социальные) и, наконец, религиозные [6]. Бахтин часто, подчеркивая неразрывность, употребляет знак тире: я – другой, акт – поступок, событие – бытие, бытие – жизнь, поступок – мысль и т.д. Так Михаил Бахтин пытается схватить и отразить в языке неразрывность бытия, его полноту в индивидуальности, в личности и в то же время соотнесенность индивидуального с общим. Того же рода проблемы пытался в своих работах решать и Лев Карсавин.

Занимаясь проблемой художественного текста, Бахтин пытается ответить на вопрос о смысле и замысле автора в литературном произведении. У религиозно мыслящего Карсавина уже есть ответ на данный вопрос: диалектика общего, особенного и единичного возникает у него не из ничего, поскольку она дана в существовании всего во всем. Индивид только свободен в выборе, в актуализации того или иного качества через себя по отношению к высшей личности. Впрочем, сам Карсавин видит скрытую опасность отрицания индивидуальности, поскольку «каждая личность является моментом высшей». В попытке избежать такой интерпретации, он делает ударение на том, что в результате признания личности всеединством и каждый момент ее признается единственным и неповторимым для данной личности. Л.П. Карсавин утверждает: «Личность (...) есть всеединство и безусловное многообразие, хотя и осуществляет себя в причастии качествами высших личностей. В этом смысле личность есть нечто абсолютно установленное (...), но только качественно другими и индивидуализирующее их качествами». Таков смысл богословского утверждения, что всякая душа творится Богом» [11, с.76]. С необходимостью и у Карсавина, и у Бахтина фигурирует вопрос об отношении личности к Богу, к Абсолюту, о ценностных ориентациях личности. Так, анализируя взаимоотношения между автором и персонажем у Ф.М. Достоевского, М. Бахтин замечает, что «Достоевский часто перебивает, но никогда не заглушает чужого голоса, никогда не кончает его «от себя», то есть из другого, своего сознания. Это, так сказать, активность бога в отношении человека, который

позволяет ему самому раскрыться до конца (в имманентном развитии), самого себя осудить, самого себя опровергнуть» [5, с. 328].

В рассматриваемом контексте едва ли должно удивлять то, что сходную позицию в отношении Бога и человека высказывает и Карсавин в своем позднем произведении «Поэма о смерти», которое очевидно написано в стиле диалога. Здесь Карсавин обращается к своей возлюбленной Элените. Автору явно хочется поцеловать девушку, но останавливает его чувство ее неприкосновенности и святости. «А Элените: «Что тут разговаривать! Целовать надо!»... – сломила слабую мою волю... А Бог вот ничего такого не сказал и не говорит, ибо дорога Ему моя свобода и больно Ему видеть меня рабом» [10, с. 267]. Хотя человек и свободен по отношению к Богу, но смыслом его существования является совершенствование, обожение, стремление к единству с Ним. Естественно, что для самого Льва Карсавина Бог абсолютен, совершенен и не может развиваться, иначе бы это умаляло его абсолютность.

Напротив, по этой позиции Ф.М. Достоевский, а вслед за ним и М.М. Бахтин, придерживаются другого мнения в своем представлении об отношениях Бога и личности. Достоевский не демонстрирует излишнего пиетета к Богу, позволяет себе вступать с ним в диалог. Анализируя Достоевского, и сам Бахтин говорит его голосом. Абсолютное совершенствуется в диалоге с личностью, хотя открытость диалога между другим-Абсолютом и личностью допускает несовершенство Абсолюта, а вместе с тем и возможное наличие зла. Отсюда вводится и проблема вины за зло. В легенде о Великом Инквизиторе Иван Карамазов бунтует, бросает вызов Богу, сомневается в его совершенстве. Но если это так, то на человека перекладывается проблема выбора и ответственности за него. Здесь налицо одна из проблем философии экзистенциализма, проблема свободы выбора и ответственности, которая за этим следует.

Таким образом, рассмотрев ряд особенностей философской концепции одного из видных русских мыслителей XX века М.М. Бахтина, мы показали глубинные основания его философствования. Наряду с разработкой категориального аппарата собственно философии, Бахтин значительное внимание уделял проблемам эстетическим и религиозно-нравственным. Большое значение для творчества Бахтина имело его отношение к природе и сущности культуры. Он видел в каждой культуре огромные смысловые возможности, которые остались не раскрытыми и не использовались на протяжении всей исторической жизни данной культуры. Поэтому закономерным является то, что в истории раскрываются все новые смыслы новых культур, которые определяют эстетическую деятельность личности. И сам Михаил Бахтин оказался в ряду тех немногих личностей, которые сделали и делают эпохальные открытия в культуре человечества.

Литература:

1. Аверинцев С.С. Не утратить вкус к подлинности... // Огонек. – 1986. – № 32.
2. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // М.М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. 2-е издание. – М., 1986.
3. Бахтин М.М. Искусство и ответственность // М.М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. – М., 1986.
4. Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // М.М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. – М., 1986.
5. Бахтин М.М. К переработке книги о Достоевском // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986.
6. Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Работы 1920-х годов. – К., 1994.
7. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи.
8. Бонецкая Н.К. О стиле философствования М. Бахтина // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1996. – № 1.
9. Бонецкая Н.К. Примечания к «Автору и герою...» // Бахтинология. – СПб., 1995.
10. Карсавин Л.П. Поэма о смерти // Карсавин Л.П. Религиозно-философские сочинения. Т.1. – М., 1992.
11. Карсавин Л.П. Философия истории. – СПб, 1993.
12. Лосев А. Ф. Имя. Сочинения и переводы. – СПб., 1997.
13. Лосев А.Ф. Русская философия // Лосев А.Ф. Страсть к диалектике. – М., 1990.
14. Махлин В.Л. Бахтин и Запад (Опыт обзорной ориентации) // Вопросы философии. – 1993. – №1-2.
15. Михаил Бахтин. Страницы жизни и творчества. – Саранск, 1993.
16. Пешков И.В. Введение в риторику поступка. – М., 1998.
17. Рыклин М.К. Сознание и речь в концепции М.М. Бахтина // М.М. Бахтин как философ. – М., 1992.
18. Сергей Земляной. Что такое эзотерический марксизм? // НГ-exlibris (приложение к газете Независимая газета). – Москва, 20.01.1999.
19. Шустер Ч. Михаил Бахтин как теоретик риторики // Риторика. №1(4). – 1997.

В.С. Сломський. М.М. Бахтін – автор концептуальної теорії європейського роману. У статті розглянуто ряд особливостей філософської концепції одного з видатних російських

мислителів XX ст. М.М. Бахтіна, показано глибинні підстави його філософування, проблеми естетичні і релігійно-моральні. Акцентовано увагу на його дослідженнях мови і на створенні нової теорії європейського роману, концепції поліфонізму літературного твору, оскільки результати його досліджень творчості Ф.М. Достоевського і Франсуа Рабле і сьогодні викликають інтерес літературознавців мовознавців, культурологів, соціологів, психологів і філософів.

У статті відображено роль Бахтіна як автора ряду фундаментальних лінгвофілософських праць, в яких розглядаються загальнотеоретичні питання розвитку європейського роману, філософія мови, стилістика, теорія мовних жанрів тощо. Йому належать такі поняття літературознавства, як поліфонізм, сміхова культура, хронотон, карнавалізація, меніппея (евфемізм по відношенню до головної і провідної лінії в розвитку європейського роману в «великому часі»).

Ключові слова: епічний жанр, поліфонізм, сміхова культура, меніппея, карнавалізація.

Wojciech Slomski. M.M. Bakhtin – author of the conceptual theory of the European novel.

Mikhail Bakhtin, is a researcher and creator of the language of the new theory of the European novel, the concept of polyphony literature. The results of his studies of the work of F.M. Dostoevsky and François Rabelais and literary scholars today are of interest linguists, cultural scientists, sociologists, psychologists and philosophers. Besides M.M. Bakhtin has shown himself as the author of a number of fundamental linguo-philosophical works, which deal with general theoretical issues of the European novel, philosophy of language, style, theory of speech genres, etc.

Researcher language, epic narrative forms and genres of the European novel. The creator of a new theory of the European novel, including the concept of polyphony in a literary work. Exploring the artistic principles of the novel by François Rabelais, Bakhtin developed the theory of a universal culture of folk humor. He owns the literary concepts such as polyphony, the culture of humor, time-space, carnivalization, menippea (an euphemism in relation to the main line and leading the development of the European novel in the "big time"). Bakhtin – the author of several linguistic works on general theoretical issues, the style and the theory of speech genres. Intellectual leader of the scientific and philosophical terms, which is known as the "Bakhtin Circle".

The article considers a number of features of the philosophical concept of a prominent Russian thinkers of the twentieth century, MM Bakhtin, shows the deep bottom of his philosophizing. Bakhtin considerable attention to the problems of aesthetic, religious and moral.

Keywords: epic genre, polyphony, the culture of laughter, menippea, carnivalization.

[1] © Сломский В. С., 2014.

[2] См.: Библер В.С. М.М. Бахтин, или Поэтика культуры. – М., 1992; М.М. Бахтин как философ [Текст]: [Сборник] / [С.С. Аверинцев, Ю.Н. Давыдов, В.Н. Турбин и др.], Ин-т философии РАН; Отв. ред. Л.А. Гоготишвили, П.С. Гуревич. – М., 1992; Бахтин М. М.: pro et contra. Личность и творчество М. М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. – Том I. / Сост., вступ. ст. и коммент. К. Г. Исупова, хронограф В. И. Лаптуна. – СПб., 2001; Бахтин М. М.: pro et contra. Творчество и наследие М. М. Бахтина в контексте мировой культуры. – Т. II. / Сост., и коммент. К. Г. Исупова; библиография О. Ю. Осьмухиной, Т. Г. Юрченко, О. Е. Осовского, Н. Б. Панковой. – СПб., 2002; Махлин В.Л. Михаил Михайлович Бахтин. – М., 2010; Махлин В.Л. Наследие Бахтина в современном зарубежном литературоведении // Известия АН СССР. Серия лит. и яз., 1986. – Т.45, №4. – С. 316-329; Осовский О.Е. Научное наследие М.М. Бахтина и гуманитарное сознание Запада сегодня. – М., 1991; Гвоздева Е. Спустя четверть века. Новая литература о Ф. Рабле и М. Бахтин // Вопросы литературы, 1991 (сентябрь-октябрь). – С. 270-279; Махлин В.Л. Бахтин и Запад (Опыт обзорной ориентации) // Вопросы философии № 1-2. 1993. – С. 94-111; Тамарченко Н. «Эстетика словесного творчества» М. М. Бахтина и русская философско-филологическая традиция. – М., 2011 и др.

[3] См.: Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. – Cambridge, Massachusetts, and London, England, 1984; Emerson C. The First Hundred Years of M.Bakhtin. – Princeton-New Jersey, 1997; G. Chpet et M. Bakhtine: divergences attendues et rapprochements inattendus // Slavica Occitania. Numéros 26 et 27; Bakhtin Mikhail Mikhailovich // ENCYCLOPEDIA OF PHILOSOPHY, Second Edition. Editor-in-Chief Donald M. – Borchert. Ohio University. Macmillan Reference USA, 2005 etc.

^[4] См.: *Михаил Бахтин. Тетралогия* / Составление, текстологическая подготовка, научный аппарат И.В. Пешкова; комментарии В.Л. Махлина, Н.К. Бонецкой, В.М. Алпатова, Н.Л. Васильева, И.В. Пешкова. – М., 1998.

^[5] Философ-идеалист Герман Коген (1842-1918), интерпретируя философию Канта, выдвинул идею, что мысль порождает не только форму, но и содержание познания; объекты же представляют собой мысленные конструкты. Знаменательно, что в бытность Когена профессором философского факультета Марбургского университета (до 1912 года), одним из его учеников был Борис Пастернак.

^[6] См.: *Карсавин Л.П. О личности.* – М., 2008.